

Школа

неопределенности

Академик РАО, директор Федерального института развития образования, заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова Александр Асмолов об образовательной практике и семейном укладе в информационном мире

☼ Поколение детей школьного возраста, которое называют «сетевым» или «цифровым», — явление не только социально-культурное, но и психологическое. Мы пока еще мало что знаем о современных детях, о том, как влияют на их школьную и домашнюю жизнь условия информационного общества. Как с ними общаться, как их воспитывать? Что мы можем уже сегодня сказать о современных школьниках, каких рисков следует опасаться? Об этом мы беседуем с одним из ведущих российских психологов и инициаторов школьной реформы 1990-х годов, директором Федерального института развития образования Минобрнауки России, доктором психологических наук, академиком РАО Александром Григорьевичем Асмоловым.

— Современных детей как только не называют — «сетевое поколение», «цифровые аборигены», «дети онлайн» и так далее — список можно продолжить. Но ни одно из этих названий не отражает особенностей этого поколения. Они действительно другие, эти дети, и чем они отличаются от нас?

— Какие бы названия им ни придумывали, за ними стоит попытка осмысления этой многомерной реальности. Говорить о том, что те или иные названия корректны или не корректны — это особая лукавая игра. Корректно то, что отражает социальную ситуацию развития, в которой находятся наши дети. Суть же в том, что дети живут в ситуации цифрового разрыва поколений, за которым стоит проблема связи между отцами и детьми. Это всегда необходимо иметь в виду, когда мы пытаемся понять наших детей. Вместе с тем наиболее общей характеристикой являются те разработки, в которых анализируются вопросы информаци-

онной социализации. Это понятие достаточно новое, встречаемое подчас в штыки приверженцами классической социологии и социальной психологии. Что же касается портрета «цифрового поколения» (а более правильно поколений) — то это вопрос серьезных исследований, которые еще предстоят. В 70-е годы подобная работа была проделана американским психологом Ури Бронфенбреннером. В его книге «Два мира детства» сравнивались дети США и России. Подобного рода масштабное исследование с привлечением интернет-сообщества, с использованием процедур краудсорсинга мне кажется остро необходимым. Совсем недавно мы говорили об этом с одним из ведущих аналитиков в этой области Майклом Маккоу.

— Новое поколение, видимо, надо учить и воспитывать как-то по-другому. Что необходимо изменить в семейном укладе, в школьной практике? А что должно остаться неизменно-

Мы все не готовы работать с «цифровым поколением» детей, в том числе и наши педагоги. Вопрос стоит по-другому: готово ли поколение «цифровых детей» общаться с нами.

Александр Григорьевич Асмолов — известный российский психолог, политик и ученый. Академик Российской академии образования.

Окончил факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидат психологических наук (1976), доктор психологических наук (1996), профессор (с 1996 г.). Главный психолог Гособразования СССР (1988–1992); заместитель и первый заместитель министра образования России (1992–1998). В настоящее время директор Федерального института развития образования Министерства образования и науки Российской Федерации; заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией Центра психологии и педагогики толерантности Института стратегических исследований в образовании РАО. Автор более 330 работ по проблемам формирования установок толерантного сознания, профилактики конфликтов, методологии психологии, психологии личности, межкультурного диалога, культурно-исторической психологии и образования.

мым? Сохранится ли школа как образовательный институт и институт социализации или в будущем все будут учиться в онлайн?

— Вечный вопрос — что нужно изменить в школе... В школьной практике учитель все более превращается из ментора в навигатора. У нового поколения детей будут серьезнейшие вопросы к школе, будут нарастать различного рода риски, поэтому мы будем эти вопросы так или иначе осмыслять. Главное, без чего не обойдутся никакие инновационные ресурсы, никакое образование — это учитель, который не диктатор, который понимает развитие ребенка, мотивы ребенка, любит ребенка. Без такого учителя ничего не получится. А дети сегодня действительно очень часто «иные». И когда вокруг иные дети, то нужны не то чтобы иные учителя — сама школа должна измениться, стать школой понимания, школой неопределенности. Умение учителя вести себя в неопределенной ситуации сегодня нужно ему не меньше, чем представителям подрастающего поколения. Что же касается системы Яна Амо-

са Коменского, то никакие великие системы не уходят в никуда, они остаются. Вопрос только в том, в каком виде великая система и «Великая дидактика» будут существовать. Одно ясно: попытки создания конфронтации между тем, что я условно называю «вариативной дидактикой», и классической дидактикой, бездарны. Наша задача — найти конструктивное соотношение разных культурно-исторических пластов в образовании.

— Если раньше ребенка можно было отдать в детский сад, школу и быть спокойным, что научат, чему надо, то сегодня открывается огромный выбор образовательных возможностей. Соответственно возрастают роль и ответственность родителей. А готово ли к этому общество?

— Вопрос очень точный. Сегодня возрастает ответственность родителей, которые превращаются в полном смысле в образовательное сообщество. По крайней мере некоторые родители начинают идти по этому пути. Поэтому сегодня как никогда нужен родительский всеобуч. И как никогда начинает возрастать в коммуникации с детьми не только роль мам, но и роль пап. Недавно я был свидетелем того, как два папы сидели в ресторане с четырьмя детьми, они шумели, веселились. Родители, виновато глядя по сторонам, извинились: «Что делать, у нас сегодня папин день». Принесли еду, но дети, разыгравшись, ни в какую не хотели садиться за стол. И тут один из папскомандовал: «Аварийная посадка — немедленно за стол!» Дети сразу же послушались, поскольку это было включено в ткань игры. Вот такой папа — пример талантливого педагога. Это очень важно, чтобы родители понимали: детей не надо воспитывать, с ними надо дружить.

— Готовы ли педагоги, учителя работать с «цифровым поколением»? Проблема ведь не только в том, кто лучше владеет компьютером — ученик или учитель (хотя и это важно), должно быть понимание интересов и потребностей современных детей. Способна ли школа, как она есть сегодня, говорить с ними на одном языке?

— Педагоги — если они профессионалы — мечтают работать с новым поколением, они на это обречены. Что касается готовности, то мы все не готовы работать с «цифровым по-

колением» детей, в том числе и наши педагоги. Вопрос стоит по-другому: готово ли поколение «цифровых детей» общаться с нами. Очень важно понять это и увидеть, как они нас воспринимают. В определенной мере они могут выступить нашими учителями в разработках совместных программ действий. Это будут программы в буквальном смысле сотворческие, а не менторские. Что же касается школы в целом, то она сегодня не способна пока говорить на одном языке с детьми этого поколения. Для этого должна быть другая школа, повторюсь, школа понимания, школа неопределенности. Эту школу мы ищем. Поиск этой школы — смысл специальности для многих из тех, кто понимает, что мир вокруг изменился.

— А мы найдем такую школу, которая будет говорить на одном языке с детьми информационного общества?

— Мы обречены на то, чтобы вместе с детьми найти такую школу. Школа всегда была, есть и останется институтом социализации, но вместе с тем она серьезно изменит свои формы.

Нужны не то чтобы иные учителя — сама школа должна измениться, стать школой понимания, школой неопределенности.

— Различные международные тесты, включая PISA, говорят о том, что наша школа не формирует умение самостоятельно мыслить, делать выводы, находить решения. Согласны ли вы с этой оценкой и как отразится на этой ситуации распространение интернета?

— У меня очень сложное отношение к различным международным тестам. Не всегда можно и нужно ставить перед кошками собачьи задачи. Эти тесты не учитывают того, что называлось экологической валидностью, а более точно я бы назвал культурной валидностью разных способов тестирования. Мы должны понимать, что, когда мы переводим тесты с английского на русский, это не просто перевод с языка на язык — мы переносим смыслы из одной культуры в другую, а это очень трудно сделать. Любой тест требует очень серьезной культурной валидации. Отсюда моя осторожность к суровым оценкам PISA и других тестов.

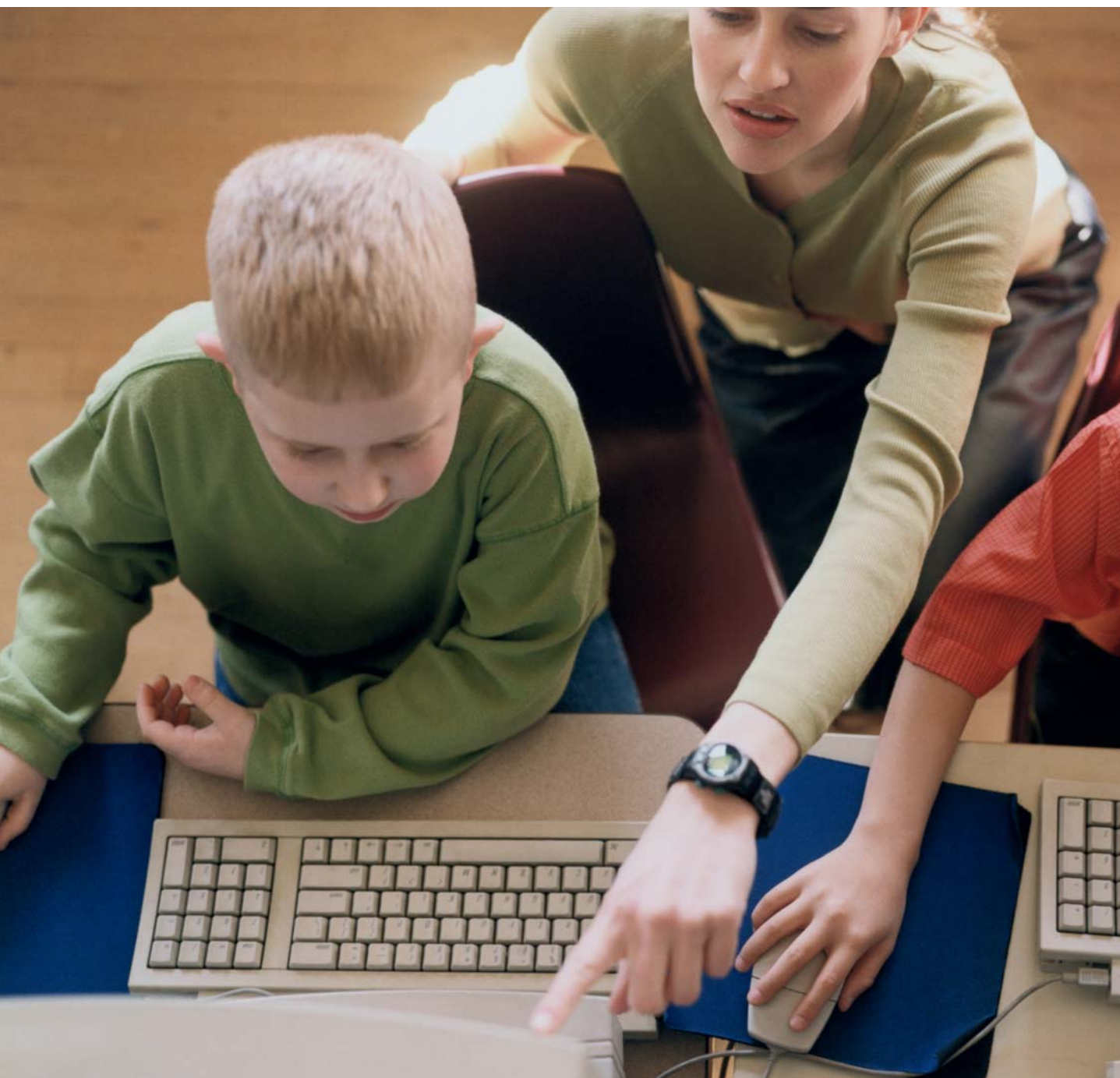
— Современные дети взрослеют раньше или позже и как они взрослеют, в чем это проявляется?

— Современные дети взрослеют по-иному, по сравнению с тем, как выросли мы. Раньше, позже — это уже второй вопрос. Они в буквальном смысле дышат информационной средой, и это приводит к тому, что действительно нарастают процессы акселерации. Вместе с тем есть риски того, что при информационном развитии мы столкнемся с отставанием личностного и мотивационного развития. Современный ребенок может быть интеллектуально взрослым, а личностно — ребенок. Отсюда встречи с ним могут казаться для нас парадоксальными, он может понимать когнитивно все или многое из того, что мы говорим, но при резком разрыве интеллектуального и личностного развития может возникнуть тяжелая ситуация аутизации в информационном мире и отрыва от действительности. Вот этого риска я боюсь. Я люблю повесть Толкина «Хоббит, или Туда и обратно». Так вот, когда дети погружаются в виртуальное пространство, мы не всегда видим дорогу обратно. Отсюда риск,

о котором я всегда предупреждал и предупреждаю: в виртуальном мире может сработать феномен виртуальной ответственности, легкой игры с разными реальностями, непонимание последствий своих поступков как для окружающих, так и для самих себя.

— С одной стороны, интернет — мощное средство распространения массовой культуры, с другой — он предполагает самостоятельный выбор, и дети школьного возраста все больше и больше отказываются от телевидения в пользу интернета. Означает ли это, что формируется более самостоятельное поколение со своими культурными предпочтениями?

— Пока такого рода исследований нет, но то, что интернет — новое пространство жизни и то, что наряду с поколением телевидения появляется поколение интернета, растущее без жесткого «эго» государства — это очень

важно. Дети действительно не скованы тем, что как готовый набор программ дает телевидение. Я вижу уникальную роль интернета в пробуждении не просто детского, а гражданского сознания, свободного сознания. При всех критических моментах интернета — это среда для развития гражданского общества. До некоторой степени те, кто выходили на Болотную площадь и площадь Сахарова

(я оцениваю эти события не политически, а психологически), — это люди, прошедшие школу вариативного образования. Они уже привыкли делать свой собственный выбор. То, что было начато нами в 1991–1992 годах, когда мы делали школьную реформу, сработало в 2011–2012. Образование — это не только педагогика, это прежде всего идеология будущего общества.